

АЛЕКСАНДР ДАВЫДОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

ПРАВНУК ДВУХ ДЕКАБРИСТОВ
О ЖИЗНИ В РОССИИ ВРЕМЕН
АЛЕКСАНДРА III, НИКОЛАЯ II
И РЕВОЛЮЦИИ

Александр Васильевич Давыдов Воспоминания. Правнук двух декабристов о жизни в России времен Александра III, Николая II и революции

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73545258
ISBN 978-5-9524-6598-5

Аннотация

Мемуары А.В. Давыдова (1881—1955) – писателя и общественного деятеля, известного в эмигрантской среде, – это летопись жизни как самого автора, так и его предков – русских и остзейских дворян, крестьян и уральских купцов-промышленников. В главах, посвященных прадедам автора – декабристам В.Л. Давыдову и С.П. Трубецкому, автор изложил семейные предания о заговоре и ссылке в Сибирь, рассказал о судьбах потомков. На страницах книги отражены воспоминания о Москве, учебе в гимназии, дружбе с сыновьями Л.Н. Толстого и молодежных вечерах в Хамовниках. В издание включены рассказы А.В. Давыдова об участии в Русско-японской войне, работе в Крымском краевом правительстве в 1918 году, а также письма и уникальные фотоматериалы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Каменка	8
Каташа Трубецкая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Александр
Васильевич Давыдов**
Воспоминания
*Правнук двух декабристов
о жизни в России
времен Александра III,
Николая II и революции*

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2026

* * *

*Дорогому моему Золоту, любимой моей дочке, на
память от ее рыцаря*

Каменка

*Тебя, Раевских и Орлова, И память Каменки
любя...*

А. С. Пушкин. В. Л. Давыдову

Широко раскинулись по обоим берегам болотистой речки Тясмин старинные село и местечко Каменка¹. Весело белеют крытые соломой хатки, утопающие в зелени вишневых садов, окруженных плетеными из кукурузной ботвы тынами, с выглядывающими из-за них подсолнухами. Стройно высятся над зеленою деревьей колокольни двух церквей: Свято-Николаевской и Покрова Пресвятой Богородицы, по именам которых стороны села называются Николаевской и Покровской.

Тесно жмутся друг к другу маленькие неприглядные еврейские домики вдоль грязных улочек местечка, над которыми возвышается здание синагоги с прилегающим к нему хедером. Среди широкой главной улицы тянутся одноэтажные кирпичные строения с еврейскими магазинами, торгующими всевозможными товарами, начиная всем, что потребно помещичьим экономиям и крестьянским дворам, и кончая шампанским, духами и белыми лайковыми перчатками.

¹ Привилегия на основание местечка, т. е. места еврейского поселения, дарована была Каменке польским королем Августом III в 1756 году.

В стороне от магазинов, вдоль главной улицы, виднеется вывеска «заязда», или еврейской гостиницы, с кривыми оконцами и покосившимся крылечком, а рядом, в соседнем переулке, в окнах высокого кирпичного здания блестят бокалы с крашеной жидкостью местной аптеки.

Налево от моста через Тясмин, если ехать от Покровской стороны к Николаевской, высятся большие здания сахарного завода, у ворот которого стоит заброшенная водяная мельница в виде небольшой белой башни, в стиле русского ампира, с красной розой на верху крыши². Сахарный завод стоит на самом берегу Тясмина, там, где он входит в скалистое ущелье, в честь которого Каменка получила свое наименование.

По ту сторону моста большая дорога поднимается к мостечку через большой помещичий парк, в левой стороне которого помещаются небольшие домики, составляющие усадьбу, и посреди большого двора стоит высокое кирпичное, незаконченное, здание в стиле средневекового замка.

Окрестности Каменки ничего особенного собой не представляют. Нескончаемые степи, покрытые летом широкими пшеничными и ржаными полями и зеленой листвой свеклы. Горизонт не широк, его пересекают невысокие возвышенности – отроги дальних Карпат – и глубокие овраги, по местному наречью «яры», заросшие дубовыми рощами. Лесов мало, но те, которые встречаются, обширны и состоят сплошь

² На этой мельнице работал Шервуд-Верный, выдавший заговор декабристов.

из старых тенистых дубов.

Такой встает в моей памяти Каменка.

Казалось бы, что Каменка ничем не отличается от других сел и местечек Правобережной Украины. Но судьбе было угодно, чтобы ее название вошло не только в историю борьбы украинского казачества с поляками, но и в историю России и русской культуры и стало известно каждому грамотному русскому человеку.

Расположена Каменка в 45 верстах от бывшего уездного города Чигирина, в котором в XVI столетии был старостой Богдан Хмельницкий. Первую свою победу Богдан одержал над польскими гетманами при Желтых Водах, там, где Тясмин впадает в Днепр.

Вблизи Каменки, в глубине большого Грушевского леса, стоит старинный Матронинский монастырь, окруженный древними земляными укреплениями. Основан он был Павлом, епископом Переяславским, за десять лет до нашествия Батыя. Имя свое он получил от княгини Матроны, владевшей этой местностью в те времена. Монастырь был разрушен до основания татарами, и только в 1568 году на его месте была сооружена часовня. Князь Ян Яблоновский, владевший в начале XVIII столетия Чигиринским староством, утвердил за монастырем его прежние земли, без присоединения его к Унии, что, однако, не помешало игумену Мельхиседеку пойти против поляков и в 1768 году освятить мечи Железняка и Гонты для Уманской резни.

В конце польского владычества и еще в первой половине царствования Екатерины II Каменка была собственностью известных польских магнатов, князей Любомирских. В то время Потемкин, будучи уже князем Таврическим, но не утоливший, несмотря на все почести и несметное богатство, своего безграничного честолюбия, мечтал о короне, которая сравняла бы его по положению с Екатериной и раз навсегда положила бы конец проискам ее последнего фаворита Зубова. Легче всего было осуществить эти мечты в Польше, где королевское звание было выборным, но для этого надо было стать польским магнатом, т. е. обладать поместьями в королевстве. С этой целью Потемкин приобрел у князей Любомирских, за шесть миллионов рублей, Смелянское воеводство, в состав которого входили Смела и Каменка. Неизвестно, посетил ли когда-нибудь Потемкин свои украинские владения, но с уверенностью можно сказать, что он никогда в них подолгу не жил. Перед смертью он завещал своей любимой племяннице, красавице Сашеньке Энгельгардт, выданной им замуж за графа Браницкого, знаменитую Белую Церковь, в которой еще перед самой революцией 1917 года было около 900 тысяч десятин. А детям своей сестры Самойловой, чей муж был его шафером на его свадьбе с Екатериной, кроме других поместий, Смелу и Каменку. Первая досталась его племяннику, Александру Николаевичу, а вторая – его сестре, Екатерине Николаевне.

Судьба Екатерины Николаевны Самойловой была незаурядной. Императрица Екатерина и ее отец рано распорядились ею. Она была выдана замуж за Николая Семеновича Раевского в столь раннем возрасте, что после брака еще долго продолжала играть в куклы, которые спешила спрятать, услышав звон бубенчиков тройки возвращавшегося мужа. Брак этот длился недолго, Николай Семенович Раевский скончался в 1771 году от ран, полученных под Шумлой, оставив Екатерину Николаевну молодой вдовой с двумя сыновьями. Однако ее вдовство было кратковременным. Через год после смерти мужа она вышла замуж по любви за генерал-майора Льва Денисовича Давыдова.

Лев Денисович Давыдов был татарского происхождения. Предок его, мурза Минчак, сын мурзы Косая, прибыл в начале XV столетия из Золотой Орды ко двору великого князя Василия I Дмитриевича и при святом крещении получил имя Симеон. Крестившись, он стал прозываться Симеоном Косаевичем Минчаковым. По принятому тогда обычаю великим князем ему были пожалованы земли, одни – в Новгородской области, другие – под Москвой, около Бородина³. У Симеона Косаевича было два сына – Давыд и Увар. От первого пошел род Давыдовых, а от второго – дворян и графов Уваровых. Первые поколения Давыдовых назывались

³ Л. Н. Толстой при описании в «Войне и мире» Бородинского сражения говорит: «Несколько десятков тысяч человек лежало мертвыми в разных положениях в мундирах на полях и лугах, принадлежавших г-м Давыдовым и казенным крестьянам».

Давыдовыми-Минчаковыми и, по-видимому, имели княжеский титул, т. к. их герб помещается на княжеской мантии при дворянской короне. Род Давыдовых до Льва Денисовича ничем особенным не отличился. Он первый достиг высокого служебного положения, заняв пост обер-кригс-комиссара. Екатерина II пожаловала его также званием флигель-адъютанта.

Вступив в начале 1790-х годов во владение Каменкой, Екатерина Николаевна, до смерти своего второго мужа в 1801 году, не жила в ней постоянно. Только в начале прошлого столетия она в ней окончательно поселилась и не оставляла ее до самой своей смерти в 1825 году.

С ее приездом в тихую глухую Каменку вторгся дух славного века Екатерины II. Тогда еще существовавший, Каменский дом, в правой части парка, наполнился жизнью. Знатные друзья и знакомые из Петербурга, Москвы, Смелы и Белой Церкви, а также соседи-помещики стали ее постоянными гостями. Однако, до 1816 года, т. е. до конца Наполеоновских войн и возвращения русских войск из-за границы, жизнь в Каменке не достигла еще своего апогея. Лишь с этого времени, когда дети и внуки Екатерины Николаевны вернулись из долголетних и дальних походов, в Каменке послышался «веселый шум деревенской семейной жизни».

К привычным посетителям Каменки присоединились друзья и боевые товарищи сыновей и внуков Екатерины Николаевны. На Украине в то время была расквартирована 2-

я армия, штаб которой находился в Тульчине, Подольской губернии, а полки были рассеяны по городам и местечкам. Главнокомандующие, командиры и офицеры 2-й армии часто посещали Каменку. О том, какова в эту эпоху была жизнь в Каменке, можно судить по тому, что пишет П. И. Чайковский в письме к Н. Ф. фон Мекк. Он часто, как мы увидим дальше, посещал Каменку. Вот что он пишет: «Сегодня Александра Ивановна Давыдова⁴ подробно рассказывала мне про жизнь Пушкина в Каменке. Судя по ее рассказам, Каменка в то время была большим, великолепным, барским имением, с усадьбой на большую ногу. Жили широко, по тогдашнему обычаю, с оркестром, певчими и т. д.»... Да это было и немудрено: Екатерина Николаевна была так богата, что из начальных букв названий ее имений можно было составить фразу: «Лев любит Екатерину».

В Каменке у Екатерины Николаевны жило ее многочисленное потомство. Из двух ее сыновей, от первого брака с Н. С. Раевским, оставался в живых один Николай, знаменитый герой Наполеоновских войн, храбрейший из храбрых, чье имя прославлено в русской военной истории многими подвигами, в частности в Бородинском бою и при взятии Парижа. У него было два сына: Александр и Николай – и четыре дочери. Оба сына были друзьями Пушкина и первый из них его «Демоном». Среди дочерей отличались красотой и привлекательностью Екатерина, невеста генерала Орлова,

⁴ Моя прабабушка, вдова декабриста В. Л. Давыдова.

и Мария, впоследствии жена декабриста, князя С. Г. Волконского. Детей от брака с Л. Д. Давыдовым у Екатерины Николаевны было четверо – три сына и одна дочь. Старший сын, красавец Петр⁵, прозванный «le beau», женатый на графине Н. В. Орловой, состоявший гофмаршалом высочайшего двора, жил постоянно в Петербурге и редко бывал в Каменке. Дочь София, младшая из детей Давыдовых, была замужем за первым таврическим губернатором, генерал-майором А. М. Бороздиным, и жила в Симферополе. У матери в Каменке жил второй сын Екатерины Николаевны с женой и детьми – их было трое – и неженатый младший Василий.

Известный гастрonom того времени, Александр Львович Давыдов прославился своей невероятной тучностью. Обеденный стол перед его местом пришлось вырезать по форме его живота – иначе он не мог брать еду со своей тарелки. Свой культ еды он довел до того, что, отправляясь в Париж, брал с собой своего крепостного повара и, когда приходил в ресторан, посылал его на кухню, чтобы он указывал французским поварам особенности его вкуса. Как-то, отправляясь морем в Крым, он звал Пушкина совершить с ним путешествие, но последний не мог последовать его приглашению и ответил ему в стихах:

Нельзя, мой толстый Аристипп:

⁵ В него, говорят, была влюблена принцесса Баденская, сестра императрицы Елизаветы Алексеевны.

Хоть я люблю твои беседы,
Твой милый нрав, твой милый хрип,
Твой вкус и жирные обеды,
Но не могу с тобою плыть
К брегам полуденной Тавриды...

Как видно из этого стихотворения, Пушкин любил Александра Львовича, но это не мешало ему подтрунивать над ним и называть его «рогоносцем величавым». Поводом к такому прозвищу было то, что жена Александра Львовича, урожденная Грамон, из рода герцогов Грамон, не отличалась супружеской верностью. У ее ног, по словам современников, умирали все, начиная с главнокомандующих и кончая корнетами. Не избежал этой участи и Пушкин, если судить по его стихотворению «Кокетке». Впрочем, видимо, он недолго привлекал ее внимание, т. к. ей посвященная эпиграмма «Иной имел мою Аглаю...» выдает его досаду на нее. Вместе с тем увлечение Аглаей не помешало Пушкину волочиться за ее двенадцатилетней дочерью Аделью и смущать ее своими страстными взглядами. Вероятно, однако, последнему волокитству Пушкин не придавал значения, т. к. стихотворение, посвященное Адели («Играй, Адель, не знай печали...»), носит скорее характер восхищения милым и красивым ребенком.

«Умным проказником» прозвал Пушкин младшего сына Екатерины Николаевны, Василия, будущего декабриста. Le Richard – называли его в обществе, а современники говорили

о нем, что он был человеком незаурядным по образованию, уму и остроумию, но добрым и бесхарактерным. По свидетельству князя В. П. Горчакова, он щеголял манерами простолюдина. У меня сохранились две фотографии с его портретов, одного – сделанного в молодости и другого – незадолго до смерти. На первом он изображен красивым молодым человеком, с правильными чертами лица, с зачесанными назад волосами, с небольшими усами, приподнятыми бровями и добрыми мечтательными глазами. На втором, написанном в Сибири, виден сломленный страданиями и лишениями тяжелой каторжной жизни старик с угасшим взором. Мои тетки, свято чтившие память своего отца, особенно подчеркивали в своих рассказах о нем его религиозность и бесконечную доброту.

В описываемое мною время он не был женат, у него была связь с крепостной его матери, Александрой Ивановной Потаповой. Связь эта не была обычным в то время приключением помещика с подвластной ему крепостной девушкой. Это была сильная привязанность, длившаяся много лет и превратившаяся в законный брак только за год до ареста и ссылки, лишь потому, что при жизни матери этот брак был невозможен. Насколько прочно было чувство, соединявшее моего прадеда-декабриста и мою крепостную прабабушку, видно из того, что она была одной из славных русских женщин, последовавших за мужьями в Сибирь, разделившая с ним там, до самой его смерти в Красноярске, все тяготы его

жизни. Мне довелось ее видеть и знать: она умерла в Каменке 92-х лет от роду, когда мне было уже 14 лет, умерла, окруженная своим многочисленным потомством, чтившим ее как святыню. Отличительными ее чертами были истинно христианские смирение и доброта. Глядя на нее и слушая ее, казалось, что это не женщина, а ангел, для которого ничто земное не существует. А вместе с тем сколько надо было силы воли и духовной бодрости, чтобы, уезжая за мужем в Сибирь, оставить шесть человек рожденных до ссылки детей, родить и воспитать на каторге еще семь и поддерживать слабовольного мужа, тяжело переживавшего свое несчастье.

Кроме своего прямого потомства, Екатерина Николаевна воспитывала в своем Каменском доме многочисленных племянников и племянниц, а также, на правах приемной дочери, дочь своего крепостного дворецкого⁶.

Легко себе представить веселье жизни всего этого многолюдного общества в богатом доме Екатерины Николаевны. Однако эта жизнь не отражала уже отсталого провинциального помещичьего быта, еще не изжитого в то время в России. Сама Екатерина Николаевна, ее родственники и гости принадлежали к тому кругу общества, которого уже коснулись новые веяния эпохи. Воспитание, полученное представителями этого круга, значительно отличалось от того, которое давалось их родителям до царствования Екатерины II.

⁶ По отношению к ней соблюдался следующий обычай: когда ее отец за столом подносил ей блюдо, она должна была встать и поцеловать ему руку.

Воспитанные французскими гувернерами, они выросли на французской литературе и, преимущественно, на сочинениях энциклопедистов. Много способствовало их развитию и масонство, широко распространенное в России во времена Екатерины.

Но если старшие представители каменского общества интересовались иностранной и нарождающейся русской литературой, философскими течениями и музыкой, то среди молодежи, жившей в Каменке или посещавшей ее, нарастали другие интересы. Эта молодежь выросла в эпоху «дней Александровых прекрасного начала» и пережила Наполеоновские войны. Для нее были характерны те настроения, из которых родилось декабристское движение. Как известно, у последнего была прямая связь с Каменкой. В Тульчине находилась главная Дума Южного общества, а по другим юго-западным городам и помещичьим усадьбам были раскинuty местные управы. Одна из этих управ находилась в Каменке, и ее председателем был Василий Львович Давыдов. В то время как в нижнем этаже дома, в гостиной Екатерины Николаевны, шли светские разговоры, наверху, в комнате Василия Львовича, заговорщики обсуждали планы переворота.

Вот что пишет Пушкин П. Н. Гнедичу о своем пребывании в Каменке:

«Я в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников. Время мое протекает между аристократическими обедами и демократическими спорами. Общество наше, теперь рас-

сеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов. Вы поверите легко, что преданный мгновению, я мало заботился о толках петербургских».

Помимо председательствования в Каменской управе, Василий Львович, имея, благодаря своей прежней службе в лейб-гусарах, много товарищей и друзей в гвардейских полках, бывших членами Северного общества, был звеном между ним и Тульчинской думой. В Каменку постоянно приезжали курьеры из одного и другого обществ для обсуждения плана общих действий. Курьеры эти оставались по несколько дней в Каменке и, принимая участие в «аристократических обедах», после них уходили в комнату Василия Львовича, где произносились пламенные речи и лилось рекой шампанское. Не все собеседники были членами тайных обществ, но все сочувствовали их идеям, иногда даже не зная о существовании этих обществ. Князь П. А. Вяземский, говоря о непричастности Пушкина к заговору, сообщает: «Он жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере. Все мы более или менее дышали и волновались этим воздухом».

Среди постоянных участников вечерних «демократических споров» были Александр Львович, Н. Н. Раевский с двумя сыновьями, генерал Орлов, князь С. Г. Волконский, а из наезжающих гостей, кроме других, Охотников, Якушкин

и Пушкин. Из них только сыновья Раевского, генерал Орлов, князь С. Г. Волконский, Охотников и Якушкин были членами тайных обществ.

Об этих сборищах вспоминают Пушкин и декабрист Якушкин. Первый – в своем послании к Давыдову, а второй – в своих воспоминаниях. Пушкин пишет В. Л. Давыдову:

А все невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине...
Вот евхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлую струей
И за здоровье «тех и той»⁷
До дна, до капли выпивали!

Якушкин же рассказывает о последнем вечере, проведенном в Каменке:

«Приехав в Каменку, я полагал, что там никого не знаю, и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А. С. Пушкин выбежал ко мне с распростертыми объятиями. В это время были в Каменке генерал Н. Н. Раевский, сын его Александр, Орлов, Охотников».

«В последний вечер В. Л. Давыдов, Охотников и я сгово-

⁷ «Те и та» – неаполитанские революционеры и неаполитанская республика.

рились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского на счет того, принадлежим ли мы к Тайному обществу или нет. Для большего порядка в прениях был выбран президентом Раевский. С полушутливым и с полуважным видом он управлял общим разговором...»

«В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке, после многих рассуждений, Орлов предложил вопрос: насколько было бы полезно учреждение Тайного общества в России? Сам он высказал все, что можно было сказать за и против Тайного общества. В. Л. Давыдов и Охотников были согласны с мнением Орлова, Пушкин с жаром доказывал всю пользу, какую могло бы принести Тайное общество в России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование Тайного общества, которое могло бы быть хоть сколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислял все случаи, в которых Тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой. В ответ на его выходку я ему сказал: „Мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь существовало Тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы“. „Напротив, наверное бы, присоединился“, – отвечал он. „В таком случае давайте мне руку“, – сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: разумеется, все это только одна шутка. Другие тоже смеялись, кроме А. Л. Давыдова, рогоносца величавого, который дремал, и Пушкина,

который был очень взволнован; он перед этим уверился, что Тайное общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом; но когда он увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой в глазах: „Я никогда не был так несчастлив, как теперь. Я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель пред собою, – и все это была только шутка...“» В эту минуту он был точно прекрасен.

Много было написано о том, почему на каменных вечерних беседах Пушкин не был принят в Тайное общество. Думается мне, что дед мой, Петр Васильевич, его брат Николай и старшая сестра Елизавета правильно решили этот вопрос. По их рассказам выходило, что заговорщики, во-первых, не рассчитывали на осторожность Пушкина, боясь, что, при его темпераменте, он не то что не сдержит данного им слова хранить тайну, но либо стихом, либо необдуманно сказанным в споре словом наведет власти на след Тайного общества. С другой стороны, они понимали, что участие Пушкина в заговоре, в случае неудачи, погубит его и его талант, т. е. принесет России незаменимую потерю.

Пушкин приехал в Каменку в ноябре 1820 года с генералом М. Ф. Орловым из Кишинева (где последний командовал воинской частью), вероятно, по приглашению семьи Раевских, с которыми он путешествовал по Кавказу, а потом провел некоторое время в Крыму, в Гурзуфе. Помимо дружбы с сыновьями Н. Н. Раевского, Александром и Ни-

колаем – последнему он посвятил написанного им в Каменке «Кавказского пленника», – Пушкина влекло туда, может быть, одно из самых возвышенных и чистых из испытанных им чувств: его любовь к их сестре Марии, будущей жене декабриста князя С. Г. Волконского. Любовь эта началась на Кавказе, а может быть, в Крыму, и выразилась сначала в известных строфах «Евгения Онегина», где он говорит о женских ножках, а затем, позже, когда Мария Николаевна была уже с мужем на каторге в Сибири, в посвящении ей «Полтавы».

Чувство это, впрочем, не мешало Пушкину волочиться за Аглаей Давыдовой, преследовать ее дочь Адель, принимать участие в «демократических спорах» и, главным образом, писать... Кроме «Кавказского пленника», он написал в Каменке: «Я пережил свои желанья...» и несколько других стихотворений, которые он подарил В. Л. Давыдову и которые были взяты жандармами при аресте последнего и погибли безвозвратно.

Блестящий период каменской истории продолжался недолго – всего каких-нибудь десять лет. В начале 1825 года скончалась Екатерина Николаевна, а в январе следующего года, после разгрома восстания 14 декабря, были арестованы Василий Львович Давыдов и князь С. Г. Волконский. Жизнь в Каменке замерла надолго – на 35 лет. Александр Львович скончался еще раньше, а его жена вернулась во Францию и

впоследствии вышла замуж за известного генерала Себастиани. Раевские переехали в выделенную им еще в 1805 году часть Каменки, Болтышку, а жена Василия Львовича последовала за мужем в Сибирь, оставив своих детей на попечение графини Чернышевой-Кругликовой, жившей в Петербурге. Этих детей было шестеро: два сына и две дочери, рожденные до брака, и два сына – мой дед Петр и мой дядя Николай, родившиеся после брака и до ссылки. Екатерина Николаевна завещала Каменку Василию Львовичу, а потому после ссылки она перешла к его законным сыновьям и не была конфискована.

Опекуном над малолетними наследниками и их имуществом был назначен владелец Смелы, муж племянницы Екатерины Николаевны Самойловой, граф Бобринский. Видимо, он уделял мало внимания Каменке, т. к., по словам моего деда, в дни его детства и юности там полновластно распоряжались управляющие, не только не соблюдавшие интересов владельцев, но форменным образом расхищавшие имение. Почему-то во время их владычества были разобраны до основания огромный каменный дом и флигель с колоннами в левой части парка, в котором, лежа на бильярде, любил писать Пушкин. До разорения главного дома на его террасах, где когда-то собиралось аристократическое общество, управляющие устраивали пиршества с соседями. Лилось остававшееся еще в погребах шампанское, которым поили даже лошадей, а хор крепостных пел малороссийские

песни.

В результате такого управления каменское хозяйство пришло в полное расстройство, и его молодым хозяевам грозило разорение. Их спасли испытанные ими в Петербурге неудачи. Окончив Школу гвардейских подпрапорщиков, старший из них, Петр, вышел офицером в Конную гвардию, а младший, Николай, – в Преображенский полк. Однако оба они недолго оставались на военной службе. Первому пришлось ее покинуть из-за недопустимых шалостей, а второму – из-за резкости, допущенной по отношению к нему наследником престола, будущим императором Александром II. Когда Николаю I было доложено, что корнет Конной гвардии Петр Давыдов проскакал на паре с пристяжной по Невскому проспекту от Адмиралтейства до Александро-Невской лавры, а затем выехал верхом в лагере на переднюю линейку в голом виде, он только рассмеялся и сказал: «Пусть поедет проведать отца в Сибири». Наказание было легким, потому что дед отправлялся в Красноярск совершенно свободно и мог вернуться оттуда, когда ему заблагорассудится. Да и для ссыльного отца было большой радостью увидеть сына. Так мягко поступил с сыном декабриста прославленный своей строгостью Николай I. Совершенно иначе обошелся с дядей Николаем наследник Александр Николаевич, впоследствии даровавший амнистию декабристам. На параде Преображенского полка, который принимал, он крикнул сделавшему какую-то ошибку дяде: «Подпоручик Давыдов, вы всегда и все врете»,

после чего дяде не оставалось ничего другого, как подать в отставку.

Пробыв в Сибири не более года, мой дед вернулся женатым на дочери декабриста князя С. П. Трубецкого, красавице Елизавете, и поселился с ней в ее имении Саблы, в Крыму, а дядя Николай отправился в Каменку заниматься хозяйством. Это и спасло ее.

Найдя дела в Каменке в полном расстройстве, дядя Николай всецело отдался приведению их в порядок. Образ жизни, принятый им тогда и сохраненный им до конца жизни, был спартанский. О «веселом шуме семейной деревенской жизни» в Каменке теперь не могло быть и речи. От прежнего каменского богатства не оставалось и следа, да к тому же дядя был холост и жил один. Надо было думать не только о собственном питании, но и братьях и сестрах, живших в Петербурге, да и об отце и его семье в Сибири... Под руководством своего дяди графа Бобринского, опытного сельского хозяина и пионера свекловичного сахароварения на Украине, дядя Николай сначала наладил в Каменке полеводство, а затем построил сахарный завод. Дела начали быстро поправляться, и через несколько лет братья могли не только содержать себя и отца, но и откладывать капитал для рожденных в Сибири сестер и братьев.

В 1855 году, похоронив в Красноярске мужа, вернулась с детьми прабабушка моя Александра Ивановна. Поселилась она в Киеве и лишь летние месяцы проводила в Каменке. Все

же в последней опять началось некоторое оживление. Давыдовская семья соединилась, Александра Ивановна собрала вокруг себя своих детей, как родившихся до ссылки их отца в Сибирь, так и после нее. К этому времени из ее тринадцати детей оставалось в живых одиннадцать.

Скоро дяде Николаю, главным интересом которого никогда не было сельское хозяйство, удалось осуществить то, что всегда его привлекало, т. е. занятие философскими, общественными и политическими вопросами. Заметив, что старший из рожденных в Сибири братьев, Лев, проявляет интерес и способности к хозяйству, он с согласия своего брата и совладельца по Каменке, моего деда Петра Васильевича, передал ему управление имением, а сам, пользуясь обширной библиотекой, сохранившейся в Каменке, предался своим любимым занятиям.

Я хорошо помню дядю Колю, как мы его звали. Он умер в 1916 году, девяноста лет от роду, когда я был уже совсем взрослым. У меня, по мере того как я узнавал его, сложилось о нем впечатление, как о человеке незаурядном. Наружно он был небольшим, сухим стариком, никогда не хворавшим и в молодости обладавшим большой физической силой. Все его движения, походка, жесты были как-то решительны и живы, в них проявлялась унаследованная от матери сила воли. Внутренне он был странным сочетанием почерпнутых им в книгах отца идей XVIII века и крайнего консерватизма. Слушая его и наблюдая за ним, я сначала прозвал его

последним вольтеррианцем, но сохранить за ним это прозвище мне мешал его политический консерватизм. Никогда не слышал я от него атеистических высказываний, но вместе с тем я не помню, чтобы он когда-либо ходил в церковь, даже в Пасхальную ночь. Зато о либеральных идеях того времени он говорил, не скрывая своего отвращения к ним. Мне кажется, что, унаследовав от отца большой ум и остроумие, получив в детстве хорошее образование, усовершенствованное чтением, он был одиноким в окружающей его среде. Горячо любя свою мать, своих сестер и братьев, дядя Николай не хотел оскорблять их высокую религиозность атеистическими высказываниями, а политические его взгляды вполне совпадали с их убеждениями. Я часто спрашивал себя, как дети декабристов, по крайней мере те, которые составляли мою родню, так резко отличались своими взглядами от своих родителей. Мне долго было непонятно, что дети людей, пошедших из-за своих либеральных взглядов на каторгу и сохранивших на ней верность этим взглядам, могли, свято чтя память своих родителей, так резко расходиться с ними во взглядах. Помню, как поразил меня трогательный рассказ князя С. М. Волконского в его книге «О декабристах» о том, как его отец, посланный императором Александром II в Сибирь с манифестом об амнистии, переправившись в Иркутске ночью через Ангару, постучал в дверь дома своего отца и на вопрос: «Кто там?» – ответил: «Я привез прощение». Мне казалось странным, как люди, загубившие свою жизнь из-за

желания свергнуть царскую власть, могли с радостью принять от нее «прощение». Каюсь, что было время, когда я подозревал этих чистых, идейных людей в ренегатстве, в сдаче и раскаянии в совершенном ими. Однако сохранившаяся в русском обществе, в самых левых его кругах, благоговейная память о декабристах заставила меня изменить свое мнение. Теперь слова сына декабриста Волконского представляются мне как заключительный аккорд долгой драмы, пережитой Россией от начала царствования императора Александра I до воцарения Александра II. Манифест, привезенный темной ночью в Иркутск, означал конец целого периода русской истории и был зарей того нового дня, который всходил над Россией. Пушкин писал декабристам:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

И он не ошибся. Сын «жандарма Европы», в начале своего либерального царствования признав правоту тех, кто тридцать лет перед тем мыслил как он, протянул им руку. Сын Волконского мог вместо «прощения» сказать «примирение». Для детей декабристов дело их отцов казалось законченным, и правда, с властью, оказавшейся на их стороне, им было нечего более бороться, а высокая духовность и бескорыстная жертвенность их отцов вызывала в них глубокое уважение.

Чтобы закончить образ дяди Николая, мне надо остановиться на его характере. При первой встрече и после первого с ним разговора его можно было принять за человека недоброго, властного, не терпящего чужого мнения, и лишь при более близком знакомстве с ним открывались его большое обаяние и сердечная доброта. Даже совершенно новому для него человеку, не разделяющему его взглядов, он мог стукнуть палкой, ответить: «вздор», а затем поразить его глубиной своих мыслей и обширностью своих знаний. Доброта его сказывалась не только в широкой благотворительности, но и в том, что от него никто не слышал осуждения кого-либо. Если кто-нибудь, даже из близких родственников, совершал что-либо несогласное с правилами морали или чести, он делал вид, что ничего не знает об этом, и не менял к нему своего отношения.

Была у дяди Николая особая черта, распространенная, впрочем, и среди других русских помещиков на Украине: он ненавидел поляков, которых было много среди соседей-помещиков. Он называл их «ляхами», и ни один из них никогда не переступил порога каменского дома. Причиной такой ненависти было воспоминание о польском восстании 1863 года. Хотя польские помещики не могли найти поддержки в местном православном населении, все же им удавалось составлять небольшие банды для нападения на полицию и на усадьбы русских соседей. Последним приходилось принимать меры охраны и предосторожности. Дядя Николай, за

неимением огнестрельного оружия, вооружил свою дворню изготовленными на каменной кузнице пиками и сам по ночам ходил дозором по усадьбе. Дело обошлось благополучно: на Каменку никакого нападения не было совершено, а на память об этом времени у дяди долго хранились две пики.

Были у дяди Николая и странности, в том числе невероятная мнительность. Обладая хорошим здоровьем, он считал необходимым за ним тщательно следить и для этого ежедневно, три раза в день, измерял свою температуру и записывал ее в особые книжки, рядом с другими заметками о своем самочувствии. Такие записи у него накопились за много лет, и, когда его спрашивали, какая у него была температура, положим, 3 декабря 1865 года в 3 часа дня, он брал с полки соответствующую книжку и давал точную справку. Удивительно то, что температура всегда оказывалась нормальной. В той же заботе о своем здоровье он требовал, чтобы врач больницы его сахарного завода ежедневно утром посещал его и прописывал ему лекарство. Не зная, как поступить, врач сговорился с аптекарем, что какой бы рецепт ни получил от дяди, он посылал бы ему просто воду с сиропом. Но однажды врачу пришлось прописать настоящее лекарство в виде капель, которые и были доставлены из аптеки ввиду особой пометки на рецепте, сделанной врачом. Привыкнув пить свои сиропы столовыми ложками, дядя таким же образом принял и капли, что, впрочем, нисколько ему не повредило.

Милый, хороший дядя Коля, еще сейчас вижу тебя таким, каким ты приходил из своего «Зеленого домика» к пятичасовому чаю в «Большой дом», где жили твоя мать и твои сестры. Вижу твою небольшую, сухую, крепкую фигуру, так решительно шагающую с палкой в руках, вижу блеск твоих умных черных глаз и твою милую добрую улыбку, когда ты подставлял для моего поцелуя свою гладко выбритую щеку. Какой ты был всегда опрятный, как хорошо пахло от тебя каким-то особенным мылом...

В 1860 году дядя Лев Васильевич Давыдов женился на Александре Ильиничне Чайковской и привез молодую жену в Каменку. Это обстоятельство открыло новую страницу в истории Каменки и связало ее имя с именем Петра Ильича Чайковского. Судьбе было угодно, чтобы вслед за Пушкиным другой русский гений увековечил ее имя. И не только тем, что этот гений часто посещал ее и даже одно время сделал ее своим постоянным местожительством, но и тем, что обитатели ее, т. е. семья Давыдовых, стали для него самыми близкими и дорогими людьми.

Что же такое нашел Петр Ильич в Каменке и у Давыдовых, чтобы полюбить их как родных?

Прежде всего ни сама Каменка с ее неудобной усадьбой, состоящей из небольших тесных домиков, расположенных над вонючим, болотистым Тясмином, рядом с грязным и пыльным еврейским местечком, ни окружающий ее пейзаж

не могли привлекать Петра Ильича, видевшего роскошь Браиловской усадьбы Н.Ф. фон Мекк и много путешествовавшего за границей. Затем сами Давыдовы, с их скромной и однообразной жизнью и отсталыми от века понятиями и небольшим интересом к музыке, казалось бы, не могли для человека утонченной культуры и широких знаний, каким был Петр Ильич, быть обществом, где он мог бы найти удовлетворение своим интересам. Даже дядя Николай, этот умный и образованный, но чуждый новым столичным вкусам и нетерпимо относящийся к чужим взглядам человек, вряд ли мог казаться приятным и симпатичным Петру Ильичу. Наконец, несмотря на широко распространенное мнение о том, что Петр Ильич высоко ценил украинские народные напевы и многое из них взял для своих сочинений, в действительности, как мы теперь знаем, его в этом отношении постигло большое разочарование. То, что он услышал в Каменке, было лишено оригинальности, а по красоте уступало великорусским песням. Лишь фортепианный «Scherzo à la Russe» инспирирован песнью, которую пели под его окном садовые девушки, да тема Второй симфонии, которую Петр Ильич сначала назвал «Журавель», взята из украинской песни того же названия. Даже известные песни «лирников», т. е. слепых украинских нищих, поющих о былой славе Украины, не нашли в нем особого отклика, лишь одну из них он использовал в первой части своего фортепианного концерта (op. 23).

И тем не менее, где бы Петр Ильич ни находился: в рос-

кошном ли Браилове, на даче ли близ Петербурга, в Париже, в Италии или в Швейцарии, – его всегда тянуло в Каменку. Уже после первого посещения он пишет сестре: «Никогда в жизни не проводил я более приятного лета». А живя с семьей Давыдовых на Мятлевой даче близ Петергофа, он пишет: «Мы живем на Мятлевой даче совсем недурно, и если бы не постоянная грызущая мысль о Каменке, то можно было бы найти эту жизнь приятной». И даже, находясь в Париже, он мечтает о Каменке. «Нельзя не признать, – пишет он, – что для работающего артиста такая шумная блестящая обстановка, как Париж, годится бесконечно менее, чем какое-нибудь Тунское озеро, уже не говоря о берегах хотя вонючего, но милого Тясмина, имеющего счастье протекать мимо дома, в котором живут некоторые прелестные и дорогие мне особы».

И рядом с этой постоянной мыслью о Каменке в письмах Петра Ильича мы находим самые теплые и нежные слова об ее обитателях. Так, прабабушку Александру Ивановну и ее дочерей, моих теток, Елизавету и Александру, он не называет иначе как «наши ангелы», «наши голубушки». В том же письме к сестре с Мятлевой дачи он говорит: «Что за идеальные люди Давыдовы! Это для тебя не новость, а мне трудно удержаться не говорить о них: в такой интимности, как теперь, я никогда еще с ними не жил, и мне приходится каждую минуту удивляться их бесконечной доброте».

Не испугала Петра Ильича и суровая внешняя оболоч-

ка дяди Николая. По свидетельству Модеста Ильича, Петр Ильич очень скоро после первого контакта увидел под этой оболочкой его сущность и настолько подпал под его обаяние, что даже перенял у него его консервативные взгляды.

Я видел Петра Ильича в Каменке в последние годы его жизни, когда он уже редко в нее наезжал. Был я тогда еще очень юным и не мог, конечно, судить о нем и о причинах его тяготения к ней и к моей родне. Все же многое может быть доступным моему пониманию, потому что я жил в той атмосфере, которой дышал Петр Ильич, и близко знал тех, кого он так любил. Много слышал я о Петре Ильиче и о его жизни в Каменке от ее жителей, а впоследствии, вращаясь среди семьи его сестры, зная хорошо ее детей, моих двоюродных дядей и теток, я не только знал, но и чувствовал эту атмосферу. Для меня не подлежит сомнению, что главная причина любви Петра Ильича к Каменке лежала в нем самом, в его склонностях, интересах и вкусах. В ней и в семье Давыдовых он полностью нашел то, что ему было необходимо. Петр Ильич любил семейную жизнь и был лишен ее. Как артист, он нуждался в свободе и не находил ее в Петербурге. И то, и другое он полностью имел в Каменке. Прежде всего там жила его любимая сестра Александра Ильинична, чье безоблачное счастье в кругу семьи его восхищало и умиляло. Там жили ее дети, которых он так любил и для которых был любимым «дядей Петей». А затем остальные Давыдовы были такими хорошими простыми людьми, так ласково и сердеч-

но к нему относившимися и никогда не вмешивавшимися в его личную жизнь. В Каменке Петр Ильич мог надолго исчезать в своих комнатах, беспрепятственно отдаваться своей работе, а затем, выйдя из них, беседовать с дядей Николаем на политические и философские темы, придумывать игры и забавы для детей, заниматься с ними музыкой или, наконец, мирно беседовать со своими «голубушками» и принимать участие в их шитье.

Мог он также ежедневно совершать прогулки по окружающим Каменку небольшим лесам – Зрубанцу, Тарапуну, Пляковским Дубкам – или устраивать пикники в Большом лесу, где зажигались столь любимые им костры и куда отправлялись в больших четырехместных колясках, запряженных четверкой цугом. «Господи, что бы я дал, чтобы внезапно очутиться в Большом лесу, – пишет Петр Ильич сестре из Содена, – воображаю себя тащущим сухие ветки, листья и прутья для костра; вижу на пригорке тебя слевой и детьми, окружающими скатерть с самоваром, хлебом и маслом; вижу отдыхающих лошадей, обоняю запах сена, слышу милые детские крики. Какая все это прелесть!» Когда я пишу эти строки, все, что описывает Петр Ильич, встает у меня пред глазами. И я ездил в Большой лес, или, как мы его называли, Болтыш, в той же коляске, может быть, одновременно с ним, и мой детский крик слышался около пригорка, и так же пахло сеном, и так же кипел самовар...

Но в Каменке Петр Ильич находил и другое, что шло на-

встречу его умственным интересам. Из эпох русской истории Петр Ильич больше всего интересовался веком Екатерины и особенно началом XIX столетия. В каменской библиотеке он находил то, что занимало умы конца XVIII века, а сама Каменка и среди ее жителей прабабушка Александра Ивановна и старшая дочь ее Елизавета были живыми свидетелями событий времен царствования Александра I, а главное, видели и знали Пушкина, которого Петр Ильич так любил. Дружба Петра Ильича с семьей Давыдовых началась в Петербурге, где они жили несколько лет, беседами с тетей Лизой, которая во время пребывания ее матери в Сибири воспитывалась в доме графини Чернышевой-Кругликовой, где она встречала всех замечательных людей того времени: Пушкина, Гоголя и др. Прабабушка же Александра Ивановна могла говорить Петру Ильичу о жизни в Каменке, когда в ней бывал Пушкин и собирались декабристы.

Если украинский фольклор не имел особого влияния на творчество Петра Ильича, то, несомненно, историческое прошлое Каменки и в особенности тень Пушкина, легшая на нее, влияли на него сильно. Недаром в Каменке он полностью написал увертюру «1812 год» и, окончив «Евгения Онегина», в первый раз сыграл его целиком перед семьей Давыдовых. Я, конечно, не был при этом, но мне нетрудно представить себе Петра Ильича за фортепиано, стоявшим у окна в левом углу столовой так называемого «Большого» Каменского дома. Вижу я и слушателей, сидящих на стульях и

креслах ампир, вокруг обеденного стола. Вот дядя Николай с трубкой с длинным черешневым мундштуком, вот прабабушка, сгорбленная старушка с морщинистым лицом, вот тетушки, Елизавета Васильевна и Александра Васильевна, все три в простеньких сереньких платьях с пелеринками, и, наконец, дядя Лева и тетя Саша...

В то время, как я уже сказал, не было больше ни флигеля с колоннами, ни огромного Каменского дома, в которых бывал Пушкин, но сохранился в правой стороне парка грот, где он любил сидеть. Петр Ильич часто сиживал в этом гроте, и, может быть, там являлись ему образы Татьяны и Онегина. В этом гроте тетушка Елизавета Васильевна уговорила Петра Ильича не менять конца «Онегина», как предлагал ему Модест Ильич, и не заставлять Татьяну покинуть мужа ради любви к Евгению...

Если Петр Ильич под конец своей жизни стал все реже и реже посещать Каменку, то это произошло потому, что он не мог больше находить там того, в чем так нуждалась его страждущая душа. Старшие представители семьи Давыдовых быстро старели. Прабабушка Александра Ивановна, пережившая Петра Ильича, хотя и сохранила до самой смерти свежесть ума и памяти, но физически дряхлела, и долгих бесед с ней нельзя уже было вести, а все интересы ее дочерей, моих старушек-тетушек, были направлены на заботу об их «маменьке», как они ее называли. В эту пору нас, мальчиков, водили к прабабушке уже только раз в день и всего на полча-

са, после обеда. Но главная причина отдаления Петра Ильича от Каменки была болезнь его сестры Александры Ильичны, причинявшая ей невыразимые страдания, облегчение которым она находила в морфине и других болеутоляющих средствах. Я помню, что, под влиянием этих средств, она казалась нам ненормальной. Петр Ильич, с его повышенной чувствительностью, не мог выносить состояния сестры и, зная, что помочь ей нельзя, предпочитал ее не видеть.

Было, однако, и нечто другое, что временно влекло Петра Ильича в Каменку, – это его любовь к племяннику, старшему сыну его сестры – Владимиру, более известному под уменьшительным именем Боб. Любовь эта была, может быть, самой сильной привязанностью Петра Ильича. Началась она тогда, когда Боб был еще совсем ребенком, и в это время сказывалась только в том, что из всех детей своей сестры Петр Ильич больше всех баловал Боба. Но затем, когда мальчик стал подрастать и превратился в прелестного, талантливое, умного и милого юношу, Петр Ильич привязался к нему всем сердцем. Как известно, Петр Ильич посвятил Бобу несколько своих произведений, в том числе и самое замечательное – Шестую симфонию. Но помимо того он передал Бобу и ту поразительную тонкость эстетических ощущений, которая стала его отличительной и самой прекрасной чертой.

Когда в конце 80-х годов Боб переехал для учения в Петербург и поселился у Модеста Ильича, последнее связую-

щее Петра Ильича с Каменкой звено отпало, и он нашел тогда другое место для своего уединения – Клин.

Каташа Трубецкая

Рассказ правнука

*Умрете, но ваших страданий рассказ
Пойметесь живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши.*

Н. А. Некрасов. Русские женщины

Предо мной два портрета. Один – миниатюра, написанная более ста тридцати лет тому назад в Париже, другой – дагерротип, снятый сто лет тому назад в Иркутске. На первом изображена молодая девушка, с нежным кротким лицом, голубыми глазами, белокурыми волосами, высоким лбом и правильными чертами лица; на втором – сидящая в кресле полная старушка с лицом, выражающим душевную доброту. Оба портрета изображают одну и ту же женщину. Первый – молоденькую графиню Екатерину Ивановну Лаваль в то время, когда ей было 19 лет; второй – княгиню Е. И. Трубецкую незадолго до ее смерти в 1854 году.

Глядя на эти портреты, я вспоминаю далекие времена моей юности и вижу другую старушку, сидящую на диване в

гостиной в своем крымском имении Саблы и рассказывающую мне о жизни своей матери в далекой Сибири. Это дочь княгини Е. И. Трубецкой – моя бабушка Елизавета Сергеевна Давыдова. И не только о жизни своей матери в ссылке говорила мне моя бабушка, она вспоминала и ее рассказы о жизни в Петербурге, о родителях и сестрах, о своих предках и людях, которых она встречала в родительском доме. Но, главным образом, любила она говорить о том, что пережила ее мать в связи с событиями 1825 года, и о том, как она, преодолев многочисленные препятствия, не разлучилась с мужем и последовала за ним на каторгу.

Бывают люди, имена которых входят и остаются в истории не только потому, что судьба их исключительна, но и потому, что самое происхождение их необыкновенно и что их имя вызывает за собой образы замечательных исторических людей. К таковым принадлежит княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, или, как ее называли родные и близкие, Каташа.

Некрасов в своей поэме, посвященной ей и княгине Марии Николаевне Волконской, назвал ее «Русской женщиной». Да она и была по складу своего характера русской, хотя в действительности русской ее назвать нельзя, – будь она заурядным человеком, не выказавшим всей своей жизнью своей русской души, ее все считали бы француженкой. Ведь отец ее был французский эмигрант Jean-Charles-François de Laval de la Loubrierie, марсельский дворянин, служивший сначала в королевской кавалерии – Hussards de Bercheny, в

1791 году состоявший при французском посольстве в Константинополе, сражавшийся в армии Конде и ставший впоследствии капитаном русской армии и, наконец, преподававший французский язык в Морском корпусе и частных домах в Петербурге. Вероятно, русскую свою душу Каташа унаследовала от своей матери, происхождение которой было действительно замечательным.

Петр I, будучи на Волге, как-то переправлялся через нее на пароме. Перевозили его три молодых, здоровых парня-волжанина. Петру они очень понравились своим видом и ловкостью в работе. Переправившись, он посадил их с собой обедать. Во время обеда расспрашивал их, кто они такие, как живут и довольны ли своей судьбой. Оказалось, что они крестьяне-старообрядцы, живут своим ремеслом паромщиков и на житье-бытье не жалуется. Двое из них были братьями Иваном и Яковом Твердышевыми, а третий – их зятем Иваном Семеновичем Мясниковым. Петр из ответов паромщиков вынес впечатление, что они смелые, умные и сметливые люди, и спросил их, почему они довольствуются столь малоприбыльным ремеслом, лишенным какого-либо будущего, когда сейчас на Урале так легко можно разбогатеть, как это сделал Демидов, нашедший там железную и медную руду. Паромщики отвечали, что они были бы рады попытаться счастья, но что у них нет для этого даже тех малых средств, которыми располагал Демидов, начиная свое дело. Петр дал им пятьсот рублей, а к концу его жизни у них было уже, кроме

денежных капиталов, восемь заводов и 76 тысяч крестьян.

Иван Твердышев умер бездетным, дочь его брата, вышедшая замуж за Гаврила Ильича Бибикова, умерла молодой и тоже бездетной. Все состояние паромщиков перешло к четырем дочерям И. С. Мясникова: Ирине Бекетовой, Дарии Пашковой, Аграфене Дурасовой и младшей незамужней Екатерине.

Потемкин, будучи в Симбирске с секретарем Екатерины II «у принятия прошений» Григорием Васильевичем Козицким, остановился у Мясникова. Гостей встречала его дочь Екатерина Ивановна, типичная волжанка, крупная, красивая, здоровая девушка. Немного думая, Потемкин тут же со сватал ее за Козицкого. Молодые поселились в Петербурге, где Екатерина Ивановна, несмотря на то что не получила большого образования и не говорила ни на одном иностранном языке, сумела создать себе достойное положение при блестящем дворе Екатерины благодаря своему природному уму и сметливости. Вступая в брак с Козицким, она перешла в официальное православие.

Когда в 1775 году умер Козицкий, Екатерина Ивановна осталась молодой 29-летней вдовой с двумя дочерьми – Александрой и Анной. Обе ее дочери уже получили воспитание и образование, соответствующее обществу, к которому они принадлежали. Хотя младшая Анна имела, как говорили современники, вид расфранченной горничной, все же первой замуж вышла именно она за бывшего русского послан-

ника в Дрездене и Турине князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского. Приданое, полученное им за женой, было по тем временам огромное и очень поправило его материальное положение; оно состояло, кроме других угодий и заводов, из 10 миллионов рублей и Крестовского острова в Петербурге. Князь Белосельский-Белозерский был вдов, и от первого брака у него была дочь – известная княгиня Зинаида Александровна Волконская, жена князя Никиты Григорьевича Волконского, брата декабриста. После декабрьского восстания она не скрывала своего отрицательного отношения к мерам, принятым правительством по отношению к заговорщикам, и с разрешения Николая I навсегда переехала на жительство в Рим, где перешла в католичество. В Риме ей принадлежала известная Villa Volkonsky, в которой она принимала русских писателей и художников, в том числе Гоголя, Иванова и др. Скончалась она 17 ноября 1850 года.

Старшая дочь Екатерины Ивановны Козицкой – Александра Григорьевна – долго не выходила замуж. Лишь когда ей было уже 27 лет, она влюбилась во французского эмигранта, марсельского дворянина Ивана Степановича Лавалья. Лаваль ответил ей взаимностью, и, казалось, ничто не могло помешать их счастью. Но Екатерина Ивановна ни за что не хотела дать своего согласия на их брак. Кто-то посоветовал им обратиться к помощи императора Павла I и подать ему прошение, что они и сделали. Павел потребовал объяснений

у Екатерины Ивановны, почему она не дает своего согласия. «Не нашей веры, – отвечала она, – неизвестно, откуда взялся, и имеет небольшой чин». Резолюция императора гласила: «Он христианин, я его знаю, для Козицкой чин весьма достаточный, а потому обвенчать». Дополнительное повеление было: «Обвенчать через полчаса». Лаваль получил хотя не столь большое приданое, как князь Белосельский-Белозерский, но все же очень приличное – кроме 20 миллионов рублей, знаменитый Архангельский завод на Урале, множество угодий и часть Аптекарского острова в Петербурге с великолепной дачей на берегу Невы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.